

Борис Славин
(Горбачев-Фонд)

«Если в России произошел крах двух прежних идеологий (советской, а затем либеральной), то где гарантии, что это же не случится с нынешней консервативной идеологией?»

Б.Ф. Славин. Давно прошли те времена, когда российские политологи и социологи увлекались идеей «деидеологизации», которая на самом деле означала неприятие постсоветским режимом исторически исчерпавшей себя советской идеологии. Напомню, именно тогда по отношению к левым (коммунистам, социалистам и социал-демократам) либеральными радикалами был приклеен ярлык «красно-коричневые». Его тогда навешивали даже на такого типичного антисталиниста, как историк Рой Медведев.

Вместе с тем, реальная деидеологизация в обществе, пронизанном политическими страстями, вообще невозможна. Дело в том, что идеология, по сути своей, есть концентрированное выражение политики. Она используется не только верхами общества, не только официозными СМИ, но и в обыденной жизни людьми, которые с идеологических позиций оценивают многие события в стране и мире.

Мы обсуждаем сегодня проект «консервативного человека» для современной России. Я думаю, что этот проект в 1990-е годы уже существовал в правительственных верхах (его целью была сохранить и по возможности защитить олигархические капиталы). Однако в повседневной действительности он стал проявляться относительно недавно, с приходом к власти В.Путина, который не случайно (может быть, под влиянием личных бесед с Никитой Михалковым) увлекся идеями Данилевского, Ильина, записок Деникина, других носителей русского консерватизма. Сегодня этот проект резко усилился, в том числе, в связи с событиями на Украине.

Что же произошло за последние десятилетия в духовной жизни нашей страны? На мой взгляд, произошло два важнейших события. Это крушение

некогда господствующей советской идеологии, которую в свое время разделяли многие наши соотечественники. Ее остатки до сих пор сохраняются в их сознании притом не только среди старшего поколения. Если верить социологам, советские ценности присутствуют также в сознании молодых людей, которые на их основе пытаются оценивать различные явления современной жизни. Вместе с тем, как государственная идеология она, конечно, перестала существовать. На смену ей пришла идеология либеральная. Социологи говорят (сегодня это подтвердил В.Петухов в своем выступлении), что многие ценности либеральной идеологии присутствуют в сознании современного человека, уживаясь, как это не странно, с наличием в нем некоторых советских ценностей. Например, исследования показывают, что такие противоречивые понятия и ценности, как «частная» и «государственная собственность», «индивидуализм» и «коллективизм», «свобода» и «авторитаризм» нередко соседствуют в одной голове. Подобный эклектизм особенно присущ обыденному сознанию.

Что касается господства либеральной идеологии, как правило, свойственного постперестроечному времени, то она с недавних пор тоже «приказывает долго жить». Примером здесь может служить известное отношение масс к главному понятию и ценности либерализма - «демократии». Вы знаете, как в народе переименовали это слово... Вопрос: почему? Почему демократия превратилась в «дерьмократию»? Почему массы россиян так негативно оценивают это слово, которое должно было их вдохновлять и окрылять, являясь по определению «властью народа, для народа и посредством народа». Но этого в России до сих пор не случилось. Почему? На мой взгляд, потому, что политика «шоковой» терапии 1990-х гг., проводимая демократами «первой волны» опустила многих россиян до уровня нищеты и других бед первоначального накопления капитала. Одним словом, массы не захотели принять ценность демократии, основанную на «шоковой терапии», метода, который, как известно, применяется в психиатрии к больным людям.

Вообще, изменение, или иное прочтение ценностей происходит тогда, когда они начинают противоречить действительности. В итоге в обществе появляется потребность в новой идеологии и новых ценностях. Именно так и

произошло на рубеже веков, когда на смену либеральной идеологии времен Ельцина – Гайдара в России пришла консервативная идеология Путина и его команды, описание которой можно найти в его выступлениях в Мюнхене, на Валдае и т.д. В рамках этой идеологии «хаос» 1990-х гг. начали противопоставлять «порядку» нулевых, «политический плюрализм» - «вертикали власти», «радикальным реформам» – «стабильность», наконец, «мировой цивилизации» - своеобразие «русского мира».

В итоге, сегодня консервативная идеология активно внедряется СМИ в общественное и индивидуальное сознание людей. Она буквально сметает на своем пути обанкротившуюся либеральную идеологию в разных сферах общества. Отсюда ненависть некоторых представителей либеральной интеллигенции ко всему, что говорит и делает Путин и его команда. В этой ненависти она иногда доходит до парадоксов и даже прямых глупостей. Так после присоединения Крыма к России, которое произошло в результате мирного и демократического самоопределения абсолютного большинства крымского населения, она в унисон с новой украинской властью и ее западными друзьями продолжает говорить о насильственной «аннексии» полуострова. Одновременно она в упор не видит националистические и фашиствующие проявления и эксцессы этой власти, включая, например, символические и агрессивные факельные шествия неонацистов, варварское избивание кандидата в президенты депутата О.Царева, устроенную «Правым сектором» одесскую «Хатынь». Вот несколько призывов членов Рады от нацистской партии «Свободы» и близкой к ней «Батьковщины»: «запретите компартию», утопите «русских в жидовской крови», истребите «кацапов атомным оружием» и т.д., и т.п.

Напомню, подлинные либералы и демократы всегда ставили принцип «самоопределения» народов выше принципа «целостности» унитарного, тем более националистического государства. Что касается российских радикал-либералов, то они, сегодня, критикуя авторитаризм и традиционализм Путина, отстаивают незыблемость такого традиционного понятия как «целостность» Украины, не смотря на фактически идущую в ней гражданскую войну, в которой треть граждан живущих на Юго-Востоке хотят самостоятельности и независимости от национал-фашистской власти.

Как я уже отмечал, массы ценят слова, ценности и идеи только тогда, когда они подкрепляются конкретными делами. Это в первую очередь относится к Украине, где особенно наглядно проявляется расхождение демократической риторики власти и реальной жизненной ситуации. Приведу свежий пример. Сегодня утром показали по телевизору как Россия оказывает гражданам на юго-востоке гуманитарную помощь. Присутствующий при этом корреспондент спрашивает одну из жительниц Юга-Востока Украины: «Как вы к относитесь к этой помощи?» Женщина отвечает: «У меня болеет ребенок, ему необходим инсулин, а мы не можем его получить от нашего государства уже нескольких месяцев, а вы, русские, его нам привезли». Так простые люди реагируют сегодня на помощь России. Они связывают ее внешнюю политику со спасением русских и русскоязычных граждан на Юго-Востоке. Отсюда же их соответствующее отношение к украинской власти, которая много говорит о патриотизме, о целостности и единстве нации, но не может решить элементарную проблему снабжения инсулином своих граждан, не говоря уже о других не менее важных социальных проблемах. Мы можем проводить какие угодно социологические исследования ценностной ориентации граждан, но если власть не в состоянии решить проблему удовлетворения их основных жизненных потребностей, они будут решительно выступать против такой власти и ее идеологии.

Однако вернемся к России. Я ставлю вопрос: если в ней произошел крах двух прежних идеологий (советской, а затем либеральной), то где гарантии, что это же не случится с нынешней консервативной идеологией? Казалось бы, эта идеология не современна особенно для человека светского, для человека, который далек от религии, который не в состоянии принять отжившие монархические ценности? Откуда же такое увлечение данной идеологией, и не только Путиным, но и широкими народными массами? Что кроется за этим феноменом? Вроде бы современные люди не должны поддерживать консервативную власть, а они ее поддерживают. Как понимать ситуацию, когда по данным социологов ценностные ориентации людей сохраняют либеральную направленность (они говорят о ценности таких качеств, как «частная собственность», «конкуренция», «свобода») и в тоже время высказывают массовую поддержку явному консерватору Путину?

О.М. Здравомыслова. Путин не против конкуренции...

Б.Ф. Славин. В экономике – да. Но я сейчас говорю о том, как массы воспринимают его консервативные идеи. Нельзя не замечать той явной поддержки, которая оказывается ему со стороны большинства российского народа. Вопрос в том, почему это происходит? Почему консервативная идеология, которая, казалось, никак не связана с действительностью XXI века, сегодня разделяется многими людьми, которые еще недавно исповедовали либеральные и социалистические идеалы? Мы видим сегодня, как эти люди переполняют церкви, ностальгируют по самодержавию, всячески ругают либералов, социалистические идеи равенства и революции. Виноваты ли в этом только СМИ, или здесь есть какие-то иные причины?

На мой взгляд, о политической власти надо судить не столько по ее словам, сколько по делам. Это, в первую очередь, относится к путинской власти. Хотим мы этого, или нет, но приходится признать за ней некоторые позитивные результаты деятельности. Так, если мы обратимся к уровню благосостояния людей в нулевые годы, то увидим, его существенное отличие от уровня жизни людей в последнее десятилетие XX века. Нулевые годы дали по сравнению с 1990-ми годами значительное улучшение их жизни. Например, если преподаватель в вузе начала 1990 –х гг. получал менее 100 долларов в месяц, то сегодня его заработок вырос в десять и более раз. Путинская команда в отличие от ельцинской, на мой взгляд, научилась «делиться» со всем обществом доходами от сырьевой экономики, что привело к общему росту заработной платы и повышению жизненного уровня большинства граждан страны. Это и стало той основой, на которую ложится сегодня консервативная идеология с ее идеей «стабильности» государства. Отсюда же и странный, на первый взгляд, рейтинг Путина, который все время колеблется между 60 и 80 процентами.

Консерватизм, как идеология сама по себе, конечно, не может дать гарантии стабильности государства. Тем не менее, следует отметить, что в годы путинского правления почти исчез сепаратизм регионов, нет оголтелого антикоммунизма в официозных СМИ, началось признание отдельных позитивных сторон советской действительности, что совершенно не было присуще «демократическим» временам эпохи Б.Ельцина и его либерального

окружения. Да, в России по-прежнему отрицается позитивность революционных преобразований и идеализируются монархические порядки, сохраняется пропасть в уровне жизни богатых и бедных слоев общества, коррупция продолжает «править бал» во властных структурах, наблюдается свертывание политических свобод, тем не менее, нынешняя Россия, например, отличается от Украины тем, что в ней нет тех социальных и политических крайностей, тех открытых проявлений фашизма и воинствующего национализма, которые стали доминировать на Украине сначала на Майдане, а затем и в официальных структурах власти.

Говорят, что сегодня киевляне в своей массе находятся в «прострации» потому, что они начинали антиолигархическую революцию против режима Януковича, а получили суперолигархическую власть в лице Коломойского, Таруты, Ахметова и др. Как известно, в истории аналогичные метаморфозы случались неоднократно, начиная с Великой французской буржуазной революции XVIII века, и кончая гражданской войной в Испании в 1930-е гг. XX века, когда на смену инсургентам приходили диктаторы.

Нежданность – характерная черта многих революционных преобразований в мировой истории. Это происходит тогда, когда идеалы и цели участников революции не совпадают с ее результатами. Здесь наглядно проявляется ирония истории: хотели одного, а получили прямо противоположное. Не революционеры Майдана, а олигархи сегодня стали губернаторами многих областей Украины. И это не только простые олигархи, а олигархи с явно националистическими, и даже профашистскими лицами. (Наглядным примером здесь может служить олигарх Днепропетровской области тот же Коломойский, который оплачивал зверства фашистов «Правого сектора» в Одессе и других городах Украины.) После заживо сожженных одесситов в Доме профсоюзов, я уверен, уже нельзя говорить в ироническом ключе о наличии фашизма на Украине. К сожалению, до сих пор это не хотят понять ни на Западе, ни в наших российских либеральных и оппозиционных СМИ.

Однако, как показывает продолжающийся кризис на Украине, революционные процессы там не закончились. После февральского политического переворота, на смену Майдану пришел Антимайдан, т.е.

возникла вторая революция, свидетелями которой мы сейчас являемся. Назовите ее «пророссийской», или «просоветской» революцией (в противоположность «антисоветскому» Майдану), назовите ее восстанием народа Юго-Востока против существующей власти, это не меняет ее революционной сути. Если вы посмотрите на требования, которые сегодня выдвигают лидеры этого низового народного движения против центральной власти в Киеве (а это требования самоопределения, федерализации и свободного владения русским языком), то вы поймете, что их удовлетворить сегодня может только реальная социально-политическая борьба с существующей нелегитимной властью на Украине. Данный вывод подтверждается и майским референдумом, который прошел в Донецкой и Луганской областях, показавший, что абсолютное большинство граждан этих областей поддерживает борьбу за политическое самоопределение Юго-Востока Украины. Можно насмехаться над практикой проведения этого референдума, можно его игнорировать или не признавать его результаты, но умалить его политическое значение уже невозможно.

Вообще, значение второй антиолигархической и антифашистской революции на Украине выходит далеко за ее пределы. Я уверен, она окажет и уже оказывает значительное влияние на внутреннюю политику в России, которая должна эволюционировать в сторону большего антиолигархизма и большей социальной справедливости в стране. На мой взгляд, Россия не сможет справиться со своим ухудшающимся экономическим положением, если не пересядет в этой сфере с нефтяной иглы на новейшие промышленные технологии, если не перейдет к прогрессивной шкале налогообложения граждан, если не остановит скатывание к авторитарным методам управления страной, т.е. не даст всем российским людям и оппозиционным политическим партиям больше прав и свобод. Одним словом, украинские события, на мой взгляд, подтолкнули Россию рано или поздно стать лево-демократической страной.

В этой связи, я хочу высказать свое отношение к пессимистическим прогнозам, прозвучавших на этом «круглом столе» в выступлении Шейниса. Вы говорили о том, что будучи оптимистом, «к сожалению, смотрите пессимистически на сегодняшнюю ситуацию и не видите выхода из нее». К

сожалению, в таком положении находятся не только Вы. Многие представители российской интеллигенции сегодня настроены сугубо пессимистически. Эта часть интеллигенции видит, что ее либеральные идеалы и демократические ценности не пользуются сегодня спросом у большинства российского народа, которому, как показывает практика, ближе консервативные ценности. Однако здесь не нужно впадать в отчаяние: сознание русских людей может быстро меняться под влиянием жизни.

Если мы посмотрим на процент, который фиксируется в социологических исследованиях российского общества, то меня поражает устойчивость двух цифр 20 и 80. 20% - это та часть общества, которая в 1990 гг. усвоила либеральные ценности, приняла радикальные гайдаровские реформы, определенно выиграв от них. И другая часть, составляющая 80% , т.е. абсолютное большинство народа, которое в 1990 гг. их не приняла. Почему? Потому, что жизнь этих людей резко ухудшилась в ходе этих реформ. Потому, что полностью обесценились денежные накопления граждан, катастрофически выросли цены на продовольствие и продукты массового спроса. Потому, что начались длительные перебои с заработной платой, потому, что закрылись тысячи заводов и фабрик, породив массовую безработицу и разгул криминала. Фразы о демократии тогда стали пустышкой, или фейком на фоне расстрела Белого дома в 1993 году и последующего вооруженного конфликта в Чечне. Как уже говорилось, отсюда глубокое разочарование людей в либеральной идеологии и демократических ценностях, которые призваны были заменить собой прежнюю советскую идеологию.

Нечто похожее начинает происходить и сегодня, но уже в условиях господства консервативной идеологии. Падает экономика, растут цены, обесценивается рубль, начались сбои в оплате труда, жизнь становится все труднее, коррупция во властных структурах и криминал не сдают свои позиции. Терроризм дает о себе знать взрывами на транспорте и в местах большого скопления людей, растет бюрократизм и сужаются политические права и свободы граждан. В стране усилилась частота межэтнических конфликтов, не прекращаются внешние угрозы и продолжающиеся санкции со стороны США и Евросоюза. К сожалению, господствующая

консервативная идеология, как и прежняя либеральная, предлагает искать людям выход из ситуации не в будущем, а в прошлом. Власть не понимает, что консерватизм и необходимая модернизация России – разные и плохо совместимые вещи. Все эти факты говорят о том, что патриотический потенциал этой идеологии, простимулированный успешной Сочинской олимпиадой и присоединением Крыма, не может сохраняться вечно. Уверен: хотя современный «каток» консерватизма в России и мире еще продолжает катиться, но уже проглядывают существенные барьеры на его пути, как в экономике, так и в социальной сфере.

Какой же проект может прийти на смену современному политическому консерватизму? Здесь говорилось о том, что прогрессивная интеллигенция, должна заниматься просвещением и отстаивать демократические ценности. Все так, но этого мало. Обществу нужна современная альтернативная идеология, которая могла бы помочь создать конкретную программу выхода из наметившегося нового кризиса российского общества. И такая идеология существует. Эта идеология третьего, социал-демократического пути развития, которая в свое время обозначалась в годы Перестройки, но не смогла позднее реализоваться по известным экономическим и социально - политическим причинам. Думаю, Россия, в конечном итоге, должна встать на этот путь, который, я уверен, станет действенной альтернативой как современным неосталинистским тенденциям в обществе, так и исторически исчерпавшему себя либеральному фундаментализму.

Итак, современная прогрессивная интеллигенция России, на мой взгляд, должна, отбросить в сторону свои пессимистические настроения, и выработать новый социал-демократический проект, который, ответит на вызовы времени и глубинные интересы нашего народа.

На этом я, пожалуй, закончу свое выступление.

В.В. Петухов. Андрей, можно мне тоже 30 секунд, поскольку я ухожу. В базовом понятии консерватизма. Жаль, но, наверное, нужно было наших философов попросить выступить и объяснить нам. Я всегда считал, что патернализм, державничество – это альтернатива консерватизму. Консерватизм – маленькое государство, свободные граждане, частная собственность. Но никак не огромная держава, которая должна всех задавить.

Попробуйте, расскажите Алексеевой и Лейгарту о том, что большинство, ориентирующееся на державность, – они консерваторы. Они будут смеяться – английские консерваторы, американские – за маленькое государство, за его невмешательство в жизнь людей. Какие же это консерваторы? Где в России вы увидели консерваторов, Борис Федорович?

Советские консерваторы в том смысле, что это люди, которые ретранслируют тот тип жизнеустройства, который был в те времена. Давайте тогда добавим - возрождение советского человека, советского консерватизма. Но к реальному консерватизму они отношения не имеет.

А.В. Рябов. Прошу прощения. Дело в том, что мы, конечно, разделяем...

В.В. Петухов. Единственный критерий – это статус-кво.

А.В. Рябов. Мы просто разделяли традиционный – русский – консерватизм и советский консерватизм. Русский и советский консерватизм всегда отличались от европейского и североамериканского. Там – да: система индивидуальной собственности, индивидуальная свобода, прежде всего. Русский и советский консерватизм – это, прежде всего, сильное государство, держава, солидарность – вертикальная главным образом. И если говорить в данном случае об отличиях, то имел бы смысл водораздел провести по другим линиям. Это консерватизм и «охранительство». Есть «охранительство» - это статус-кво.

Консерватизм – это некая попытка ... то, что делала КПРФ в 90-е годы. Попытка сохранить какие-то институты, доставшиеся от прежней эпохи, ввинтить, встроить, интегрировать их в новый порядок – вот это консерватизм.

Сейчас, видимо, идет речь о каком-то сплаве этих вещей в советском понимании. К европейско-американской традиции, к Бёрку - это не имеет никакого отношения.

Сколько книжка Данилевского «Россия и Европа» выдержала изданий за последние годы? 7 или 8.

В.Л. Шейнис. Вы говорите, что выход - в левой социал-демократической альтернативе. Между тем группы, которые заявляли себя сторонниками этой альтернативы, неоднократно появлялись, неоднократно

возникали. Было предпринято несколько попыток создания сильной влиятельной социал-демократической партии. Я вообще сочувствовал этим попыткам. Почему это не получилось?

Б.Ф. Славин. Я тоже занимался вместе с Вами этой альтернативой.

В.Л. Шейнис. Вы даже больше, чем я.

Б.Ф. Славин. Да, может быть, больше. Но ответ здесь достаточно простой. Он заключается в том, что лозунги, которые должна была осуществить российская социал-демократия были во многом использованы системной оппозицией, но не доведены до практики. Позднее их частично использовал Путин, говоря, что «Россия – социал-демократическая страна», и что «нужно подумать в будущем о введении в стране прогрессивной шкалы налогообложения», но позднее он эти идеи оставил, увлекшись консервативной идеологией. Может быть под воздействием украинского кризиса, он снова вернется к ним: поживем, - увидим.

Здесь присутствует П.Р.Палажченко. На его юбилее я высказал предположение: если современная украинская власть не дистанцируется от фашизма, от Яроша, то ей придет конец. Павел Русланович, Вы тогда сказали, что, новая украинская власть, безусловно, дистанцируется от фашистов. Но что мы видим сегодня?

П.Р. Палажченко. Ярош 1% имеет.

Б.Ф. Славин. Дело не в том, что типичный фашист Ярош как кандидат в президенты по данным социологов имеет 1% среди украинских избирателей, а в том, что близкая «правому сектору» национал - фашистская партия Тягнибока «Свобода» уже имеет свою фракцию в Раде и своих людей в правительстве.